

Мы публикуем статью нашего земляка, жителя города Кирсанова, писателя Олега Николаевича Верещагина, посвященную дореволюционной жизни Тамбовской губернии.

На рубеже XIX-XX веков Д.И. Менделеев, исходя из состояния и прироста народонаселения на тот момент, сделал прогноз, согласно которому в конце XX века численность населения России должна была достигнуть как минимум 350 миллионов человек.

Из ненаучной фантастики.

В последние годы – особенно в Интернете – резко усилилось движение, которое я называю «царефилитическим». Будучи сам монархистом – сторонником выборной народной монархии – я всякий раз с сожалением отслеживаю всё новые и новые попытки сторонников этого движения возвеличить монархическую идею. Почему с сожалением? Да потому, что они избрали для этого очень странный путь – путь восхваления династии Романовых. При этом почему-то особенно много мёда и молока выливается на ничтожнейшую из фигур этой династии: Анпиратора Колю Святого Второго Последнего. Человека, который довёл государство до полного коллапса, а общество – до тотального неверия в саму идею монархии. Человека ограниченного, малоработоспособного, мистически повёрнутого головой и – чего греха таить – сильно пьющего. Все эти «сверкающие качества» последнего царя давно доказаны

документально, проверены и заверены.

Вообще-то отказывать русским царям в многочисленных делах, составляющих гордость нашего Отечества, не осмеливался никто и никогда. О царях и императорах много говорилось плохого даже при их жизни – но чаще всего лишь потому, что они были слишком крупными фигурами, и эта самая их жизнь всегда протекала «на виду». Если мелкий человек может успешно прятать свои недостатки или даже пороки десятилетиями, а то и до самой смерти – то у людей масштаба Петра Великого или даже Александра Миротворца (не говоря уж об Иосифе Виссарионовиче, который тоже был истинным русским царём!) такое просто не получится. Поэтому их и оценивают так хлётко – впрочем, зачастую и справедливо.

Однако почему именно за ничтожную в общем-то даже на фоне Анны Иоанновны или Павла Первого фигуру Николая Второго царевича бьются, как каппелевские полки воткинских рабочих – против красных: жестоко и насмерть? В чём причина такой яркой защиты покойного императора, который, как бы это мягче выразиться, прозевал всё, что только было можно?

Способы борьбы «за святого царя» просты. Рыданий нашей «творческой элиты» на тему «как было хорошо при царе!» никто уже, в сущности, не слушает, мода на них прошла аж в начале 90-х – ну а над самой «элитой» люди покатываются со смеху. Но зато эти самые люди всё больше и больше верят Интернету, как зоне, в немалой своей части свободной от навязчиво-глуповатой официозной пропаганды. Так вот. Путём активно размножающихся живых журналов в сети Интернет во-первых просто-напросто объявляются ложью все исследования, доказывающие, что Николай Второй на троне сидеть был пригоден меньше, чем манекен из торгового центра. Чьей ложью? Большевиков, масонов, англичан, немцев, жидов – чьей угодно. Это ход беспроигрышный. Можно даже не приводить аргументов. Ты им говоришь, что Николай Второй бухал – а тебе отвечают: «Это лживая пропаганда!» - и дают ссылку на ЖЖ, где со ссылками на дневники какого-нибудь экс-обер-камергера Его Величества (собутельника царя) на двадцати листах развозятся, простите, розовые сопли о трезвости и молитвенности Святого Государя.

Во-вторых, вокруг далеко не светлой личности покойного начинают воздвигаться

бастионы мифов «от противного». Был бездарен, говорите? Пишем о его талантах полководца. Гулял на сторону? Рассказываем о его нежной любви к «милрой Алис». И так далее и тому подобное. Доказывать опять-таки ничего не надо. Писать – и побольше писать!

Самый главный козырь – «невинное убийство» Святого и Святой Семьи масонами. Хотя, если честно, я не понимаю, что в этом убийстве такого страшного? Ну да, мне жалко. Не императора, казнённого в сущности «за неисполнение служебного долга», за это и надо расстреливать, особенно если учесть, что неисполнение привело к краху огромное государство. Не его жену – истеричную русофобку-разносчицу гемофилии. Детей жалко, девушки были красивые, не чванные и умненькие, сын, хоть и болел – тоже вообще-то хороший мальчишка. Убитых слуг жалко, и вызывает уважение их верность... Но в целом-то – что такого страшного произошло в подвале ипатьевского дома? Да вы посмотрите на историю Европы, с древнейших времён до практически наших дней! Там редко кто, придя к власти, не отправлял на виселицу, гильотину, плаху, не душил, не резал, не травил, не устраивал таинственных исчезновений всем поголовно представителям предыдущей династии или партии. Не мечутся же по Англии толпы кретинров, требующих объявить Святыми принцев Эдварда и Ричарда, детей, удушенных подушками по приказу их родственничка Горбуна Ричарда, которому нужно было срочно-прочно сесть на трон? Малоприятно. В общем-то и просто мерзко... Но – такова политика. Так зачем поднимать такой шум в отдельно взятой стране по поводу отдельно взятого случая?

А вывод-то напрашивается простой: раз царь был такой хороший и его – такого хорошего – народ не защитил, значит, народ был плохой. Вечная песня любой власти, желающей оправдать свои неудачи. И неплохая индульгенция на будущее для власти нынешней. Когда народ её «попросит» - можно будет громко и жалобно закричать: «Опять эти плохие русские гонят хорошую власть, как при царе было!!!»

Так вот. О ХОРОШЕЙ ВЛАСТИ ПРИ ЦАРЕ.

Я не буду писать «в мировом масштабе» об ошибках той власти, кого-то защищать, кого-то обвинять... Я хочу посмотреть – а как обстояли дела на рубеже веков девятнадцатого и двадцатого в моей отдельно взятой Тамбовской губернии? Её особенно любят царефилитики. Любят рассказывать про обильное население Тамбовщины, про радостный труд тамбовского крестьянина, про привольные чернозёмы – короче говоря, про всю ту «Рассею, которую мы потеряли», которая вот была счастливая и богобоязненная – да пришли гады-большевики и всё это у людей отняли.

Ещё про восстание Антонова любят распространяться, про газы, которые «пущали большевики по деревням» (враньё), про зверства красных карателей (истинная правда, но антоновцы-то что – были святыми?) В общем, любят царефилитики мою родную губернию – наверное, даже больше меня любят, слюной изошли от этой любви...

Вот и давайте поглядим, ЧТО отняли у моих земляков-тамбовчан большевики (а точнее – коммунисты, пришедшие большевикам – типа Троцкого и иже с ним – на смену во времена Сталина). И начнём мы, пожалуй, с самого важного.

Санитарное состояние Тамбовской губернии в конце XIX века

В начале XX века в Тамбовской губернии в год заболело: дифтерией - до 20 тысяч человек, брюшным тифом - 15-16 тысяч человек, сыпным тифом - 9-10 тысяч человек, натуральной оспой - 3-4 тысячи человек. Смертность составляла 35-40 на тысячу населения. Земский врач П.Богданов так характеризовал население и санитарное состояние Кирсановского уезда: «Народ здесь низкорослый, малосильный, болезненный и слабый, неспособный к продолжительному, сколько-нибудь значительному напряжению, настойчивому труду... Женщины здесь тоже низкорослы, бледны, плохо сложены, очень рано состариваются; часто рожают мертвых детей и еще чаще выкидывают... Дети почти все сплошь золотушные, истощенные, бледные, постоянно болеют. Общая заболеваемость среди крестьянского населения дает 120%; смертность в среднем составляет 40 на 1000, поднимаясь по времени до 49 (по Европе в эти же годы 32 на 1000 человек населения). Что касается смертности детей до 5-летнего возраста, то она здесь поистине громадно: на 1000 человек умерших всех возрастов одних только детей от 0 до 5 лет приходится почти 600 человек...»

Тот же исследователь, обрабатывая показатели смертности по 745 приходам Тамбовской губернии за 1898-1900 г.г., обнаружил приходы с исключительно высокой смертностью, как, например, село Овсянка Ирской волости Кирсановского уезда: «Вся заболеваемость в приходе составляет 68%»

В результате исследования смертности по 745 приходам И.И. Моллесон, не обнаружив большого количества приходов с убылью населения (в виду высокой рождаемости), приходит следующему выводу: «Приходится, однако, зная убийственную санитарную обстановку нашей деревни, ее поражающую иногда бедноту и сплошную духовную неразвитость, удивляться незначительностью приходов с убылью населения...

Удивительно, в самом деле, как люди в состоянии выжить, перенеся из дня в день целыми месяцами и холод и голод, и житье в сырости, вони, грязи в избенке с земляным полом, вместе с разным домашним скотом. Удивительно, как не царствуют при таких условиях поголовные и непрестанные эпидемии и как заболевшие, при таких истощающих лишениях, выздоравливают...»

Для иллюстрации санитарных условий большинства крестьянского населения губернии приводятся данные из отчета эпидемического врача М.И. Ливанского, командированного в феврале 1904 г. Тамбовской губернской земской управой для борьбы с эпидемией брюшного тифа в села Павлодарку и Васильевку Львовского врачебного участка Тамбовского уезда.

Являясь старейшим в губернии врачебным участком, расположенным среди типичного для губернии коренного земледельческого населения, Львовский врачебный участок обслуживал в то время 42 деревни и села, разбросанных по радиусу от 4 до 25 верст. Персонал амбулаторного участка состоял из врача, фельдшера и фельдшерицы, принимал ежедневно не менее 100 амбулаторных больных, был буквально завален работой. «Население села Васильевки, проживавшее от участковой Львовской амбулатории в 18 верстах, от ближайшей ж-д станции «Сампур» в 55 верстах, почти не обращалось в город (многие крестьяне имели понятие о городе только по рассказам). Вспыхнувшая в середине января 1904 г. в Васильевке эпидемия брюшного тифа развилась сама собой. До города было далеко, да к тому же испортились дороги. Участковый медперсонал из-за перегрузки текущей работой и ожидавший помощи «варягов» из Тамбова, ничем не реагировал на эпидемию; и, когда губернский эпидотряд в конце февраля прибыл в Васильевку, то эпидемия уже сделала свое дело...»

Эпидврач Ливанский так описывает антисанитарное состояние жилищ в селах участка: «За исключением некоторых деревенских богатеев, большинство крестьян-бедняков довольствуются мазанками, сложенными из необожженных кирпичей; крыши в большинстве соломенные. Четверть маленькой избы занимает огромная русская печь, эта своего рода энциклопедия русского обихода: она и кормит и греет, на ней спят, лечатся, моются, сушится всякий хлам, у крестьян-тархан оттаиваются трупы животных для лучшего сдирания кожи и т.п. Требуя массы топлива, печи плохо держат тепло. От холода крестьяне забиваются в избу, как в нору; от земли до крыши изба засыпается землей, навозом, пол густо устилается соломой, а сами обитатели днем и ночью в теплой одежде... Но что особенно ужасно в этих избах, так это воздух, особенно зимой. Все, что боится холода и, что представляет хоть маленькую ценность для крестьянина, все находит приют в избе: поросенок, теленок, ягненок и т.д. Корову, козу, овцу телиться и котиться также тянут в избу. Конечно, вся эта живость все свои отправления совершает здесь же в избе, в чем ей помогают и детишки... Если к этому прибавить испарения от

грязных, давно немытых тел и одежды жильцов, а их иногда набивается в такой избенке 10 и более человек, то воздух принимает еще большую прелесть, мытье полов (если они не земляные) конечно бесполезное дело и к нему прибегают только летом.

Снаружи дело обстоит не лучше. К жилому помещению избы, обыкновенно примыкает и скотный двор, дабы хозяйский глаз постоянно все видел; на этом дворе стоит скотина, льются помои, за большой и малой нуждой бегают стар и млад; а так как в нашей черноземной полосе крестьяне почти не удобряют землю, следовательно не вывозят навоза со своих дворов, то в конце концов дворы, особенно в весеннее и осеннее время, превращаются в какие-то помойные ямы из какого-то месива. Почистить свой двор крестьянину некогда, да и зачем; удобряя зимой десятину пара, он осенью не будет уверен, что эта десятина при разделе достанется ему.

Одевается и ест крестьянин тоже плохо. В большинстве случаев одежда своего домашнего, грубого приготовления, только в праздничные дни он приодевается в дешевенькие изделия лодзинских мануфактуристов... Пища - что и сколько даст земля. Не даст земля - приходится побираться или забирать в долг...»

Суеверия и предрассудки, иногда крайне странные, еще крепко держат крестьянское население... Тифозная эпидемия застала население во время великого поста; есть более легкую пищу считали большим грехом... употребление же кислой капусты и картошки с квасом я считаю виной затяжки тифа и продолжительной послетифозной слабости... Отдаленность и плохие дороги заставляют население, для подачи первой помощи, прибегать к бабкам, коновалам, или как называют «заходим людям». Мне часто приходилось предостерегать «тифозных больных» от бабок и их своеобразной манипуляции «правления животика», выразившегося в разминании живота больного. Теперь представьте себе тифозного больного: кишечник изъязвлен, забит или картошкой или соленым арбузом с его семенами, - подвергавшегося столь энергичной манипуляции... Удивительно, что, несмотря на несуразные способы лечения и «медикаменты», которые заставляют иногда смеяться и негодовать, население любит своих бабок и знахарей и ни за что не выдаст их... Мне самому приходилось лечить девушку с нагноением среднего уха, которой «захожий человек» от головной боли посоветовал класть в уши мерзлый овечий или козий помет...»

